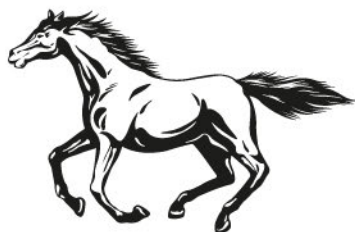

КРИСТИ
КЭШМАН

О ЛОШАДЯХ И ЛЮДЯХ

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К98

Christy Cashman
THE TRUTH ABOUT HORSES
Copyright © Christy Cashman, 2023
All rights reserved

Издательство выражает благодарность литературному агентству
Andrew Numberg Literary Agency за содействие в приобретении прав

Перевод с английского Павла Смирнова

Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Кэшман К.

К98 О лошадях и людях : роман / Кристи Кэшман; пер. с англ.
П. Смирнова. — М. : Иностранка, Издательство АЗБУКА,
2026. — 416 с. — (Акценты).

ISBN 978-5-389-33301-7

Мечта четырнадцатилетней Риз о победе в скачках Блэк-Элк рушится, когда ее любимый конь Бесценный Дар падает на последнем препятствии и ветеринар советует усыпить его. Не успевает девочка оправиться, ее ждет вторая трагедия — гибель матери в автомобильной катастрофе. Отец, вместе с женой занимавшийся коневодством, распродает лошадей и устраивается работать менеджером в фирму, но Риз живет только скачками и не мыслит жизни без своего призвания.

Тоскуя по прошлому, она знакомится с новым арендатором их бывшей конюшни. Молчун Уэс предпочитает обходиться без разговоров, зато его метод тренировки лошадей приводит Риз в восторг. Вот только самого Уэса не вдохновляет присутствие девушки-подростка в его рабочей «мастерской». Чтобы доказать свою нужность Уэсу и восстановить отношения с отцом, ей придется отчаянно бороться за право на мечту.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-33301-7

© П. А. Смирнов, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

Пролог

— Будет чудом, если он сможет снова участвовать в соревнованиях, — сказал маме ветеринар, а потом добавил чуть тише: — Милосерднее его усыпить.

Целыми днями после скачек мама ходила по конюшне, словно робот, делая только самое необходимое. Но я знала, что однажды она проснется и снова станет прежней. Скоро мама, закрывая глаза, перестанет всякий раз видеть падение Дара. Она всегда приходила в себя. Просто иногда на это уходило больше времени, чем обычно.

— Иди сюда, малыш. — Я протянула руку над дверью денника Дара.

Он всегда был самым любопытным в конюшне и вечно высовывал морду, чтобы его погладили, или задира л верхнюю губу, требуя внимания. Ему нравилось пошалить. Когда я вешала недоуздок на крюк возле денника, Дар часто хватал его зубами и выбрасывал в проход просто для того, чтобы я подошла поднять. Обычно я смеялась над ним, вешала недоуздок на место, теребила Дару челку и называла чертякой. Минут через двадцать он снова срывал упряжь и швырял в проход. Но после тех скачек он стоял мордой в угол, даже не глядя на полные ясли свежего сена. Недоуздок и уздечка аккуратно висели на крюке.

Я попыталась подманить коня долькой яблока.

— Гляди, что я тебе принесла, приятель.

Я протянула угощение как можно дальше, но Дар не двинулся с места, только опустил голову еще ниже и уткнулся носом в опилки. Мамина рука потрепала меня по волосам и легла на плечо.

— Милая, он на сильных обезболивающих, — сказала мама. — Завтра будет реагировать лучше.

Она открыла дверь денника и подошла к Дару, проведя ладонью вдоль его бока до самой шеи. Дойдя до головы, мама прислонила морду коня к груди и прижалась щекой к его лбу.

— Ты молодец, красивый мой. — Взяв его голову обеими руками, она поцеловала его в еле заметное пятно на лбу. — Все будет хорошо. — При этих словах у меня перехватило дыхание и на глазах выступили слезы. — Ты еще поучаствуешь в скачках, — прошептала мама ему на ухо. — Вот увидишь.

— Эй, выходите, — окликнул нас с улицы папа, уже открывший для нас дверцу пикапа. — Давайте ненадолго забудем о конюшне и обо всех тревогах.

Как будто это было так легко.

Мама медленно закрыла дверь денника Дара, и я поплелась за ней к машине.

— Мам? — Я дернула ее за рукав.

Она обернулась ко мне, но я так и не набралась смелости задать вопрос.

— Не бойся, солнышко, — утешила мама. — Мы не будем его усыплять.

Папа чмокнул ее в щеку и закрыл дверцу, а потом обошел машину, направляясь к водительскому месту и напевая: «Джесси, я всегда буду срезать для тебя свежие цветы.

И, Джесси, я всегда буду охлаждать для тебя вино. И буду брызгаться одеколоном и сидеть в ожидании у телефона...»

Иногда мы просто катались на машине, чтобы «перегрузиться», если скачки прошли неудачно, или лошадь захромала, или попался особенно вредный клиент. «Лучше забыть обо всем и двигаться дальше», — говорил в таких случаях папа. Он не любил заикливаться на горестях. Вроде сегодняшнего забега, который мы никак не могли выкинуть из головы. Как будто поездка могла остановить бесконечную карусель повторяющихся мыслей. Как будто мы могли забыть о том, как близки были к победе в Блэк-Элк — скачке, о которой мечтает каждый местный лошади-ник. Мы были всего в одном шаге от того, чтобы вместе преодолеть пропасть, отделяющую людей, которые только говорят, от тех, кто делает. А в беседах за обеденным столом мечты «может, в следующем году» сменились уверенностью «в этом сезоне». Мы все только и говорили, что о дне скачек, и в каждой реплике проскакивали словечки вроде «резвость», «барьер» и «скаковая дорожка».

* * *

В день той поездки с отцом воздух был почти до слез прозрачен. Окружающий пейзаж виделся в мельчайших деталях, которых обычно не замечаешь. Мы вырулили на пикапе с подъездной дорожки: родители впереди, я на заднем сиденье. Оглянувшись на конюшню, я рассмотрела то, чего прежде не замечала: облупившуюся краску, осевшую крышу, неровные двери, забитые некрашеными досками проломы. Долгое время один взгляд на конюшню давал мне уверенность, что все будет хорошо. Теперь я видела лишь усталое старое здание, казалось, стремящееся при-

лечь и укрыться травой. Я пошевелила языком во рту, силась отыскать сладкий сливочный вкус карамельного яблока, съеденного в день скачек. Но вкуса не было: во рту было сухо, как в пустыне.

Планов мы никогда не строили. Просто садились в машину и ехали. Папа, как обычно, притворялся, будто его руками, поворачивающими руль, управляет некая волшебная сила. На перекрестке он попросил меня угадать, в какую сторону эта сила поведет нас дальше.

— Налево, — предположила я.

— Посмотрим, права ли ты, — ответил он. — Вернее, лева.

Потом он изобразил, будто сражается с рулем, чтобы волшебство сработало в мою пользу. Но шутка была слишком старой и глупой, чтобы меня рассмешить.

Мы выехали из Бердвуда и свернули на дорогу вдоль реки Гост-Хок, которая то расширялась, то сужалась, пока не разделялась на рукава. На одних участках она кипела белой пеной на порогах, а на других течение ползло так медленно, что казалось, будто вода не движется вовсе. Мы проехали мимо того места, где река сливалась с черным зеркалом озера Хорс-Тиф. У парка Гост-Хок мама помахала руслу рукой.

— Пока! — воскликнула она, словно прощалась не с рекой, а с уходящим гостем.

Я смотрела, как речные воды стремительно скрываются среди гигантских сосен и скалистых утесов.

Папа вел пикап все дальше и дальше от конюшни через пастбища и поля в сторону пустошей Бэдлендс. Мы проезжали мимо отдыхающих и туристов. Потом отец запел гимн штата Южная Дакота. Мама закатила глаза и пока-

чала головой, ужасаясь его голосу, но в отместку папа запел еще громче.

— Давайте! Все вместе! — крикнул он. — «Южная Дакота, наш любимый штат! Все пути на Запад сквозь него лежат. Рашмора святыня, пустошей простор...»

Папа продолжал петь один, обгоняя тягачи, скотовозы и обтекаемой формы автодома. Когда он наконец замолк, чтобы перевести дыхание, мама посмотрела на него.

— Вот уж не знала, Джо, что ты умеешь так здорово фальшивить.

Мы все рассмеялись — в основном потому, что мама наконец-то сподобилась пошутить.

Теперь мы ехали через пышный густой лес. Возле скал, где жили вилорогие антилопы, пара животных перепрыгнула через дорогу прямо перед нами. Но потом трасса принялась петлять по обширной равнине. Вдалеке я видела гору Смагглерс-Рок. Мы продолжали ехать, пока впереди не осталось ничего, кроме розовых камней и серой дороги, прямой, как бильярдный кий. Скучная картина, которая всегда меня убаюкивала.

Когда я открыла глаза, то увидела папу, глядевшего на меня в зеркало заднего вида.

— Как спалось? Надеюсь, не хуже, чем мне?

Папа — настоящий король дурацких шуток. Я не засмеялась, а просто стала смотреть в окно. Воздух имел тот же розоватый оттенок.

— Розовый кварц, — напомнила мне мама.

— Но как розовый камень может передать розовый цвет воздуху?

— Все дело в отражении, — пояснила она.

Я посмотрела на ее отражение. Боковое зеркало идеально обрамляло мамино лицо. Ее темно-карие глаза сосредотачивались на каком-нибудь предмете, мимо которого мы проезжали, сопровождали его, а потом переключались на следующий объект. Она постоянно заправляла волосы за уши, но ветер поднимал пряди, вытягивал их в полуоткрытое окно и прижимал всю копну к моему стеклу, распластав ее, словно огромное черное крыло.

— Думаю, они уже близко, — сказала мама. — Я нутром чую.

Я всегда встряхивалась, когда мама что-то чуяла нутром. Каждый раз зрелище оказывалось таким, которое мне не хотелось бы пропустить. И за поворотом дороги я увидела их. Дикие лошади. Они словно откликнулись на мамин мысленный зов.

Папа остановил машину на обочине. Мы вышли из пикапа и оказались на самом краю плоской равнины. Я стояла между родителями. Они держали меня за руки, как в детстве. Лошади были от нас примерно на расстоянии длины футбольного поля. Большинство из них не обращали на нас никакого внимания. Они паслись, неторопливо переходя от одного островка припорошенной пылью травы к другому. Некоторые поднимали головы, чтобы взглянуть на нас, а потом снова опускали и продолжали жевать траву.

Увидеть лошадей на воле было все равно что заглянуть в другой мир, о существовании которого раньше знал, но успел забыть. Наблюдать, как они носятся галопом по тысячам акров ничем не ограниченных просторов, было совсем не то, что видеть смиренных и довольных жизнью лошадок на огороженных пастбищах, где они больше напоминали украшение. Здесь казалось, что земля создана исключительно

для лошадей. Словно ветер сгладил равнины специально для того, чтобы они могли скакать галопом. Словно горы, увидев их блестящие шкуры и могучие ноги, расступились, освободив для коней достаточно места.

Один вороной конь, намного выше остальных, скакал через табун насквозь. Он прикусывал некоторых кобыл за ляжки, словно говоря, что пора уходить. Из-под его копыт поднималось облако пыли. Шаг у него был невероятно размашистым. Потом он понесся галопом прямо на нас.

— Черт! — вскрикнул папа и, протянув руку через меня, схватил маму за запястье. — Тише, приятель. Никто не хочет тебе вреда.

Но вороной приближался.

— Не бегите, — предупредила мама. — Стойте на месте.

Тут конь остановился прямо перед нами. Подняв голову, он посмотрел на меня в упор. Его глаза походили на два темных омута, а грива ниспадала на точеную шею сплошной завесой. Потом он развернулся, мотнул головой и убежал вместе с остальным табуном. Папина рука слегка дрожала, когда он отпустил мамино запястье.

— Не рискнул связываться со мной, — пошутил папа.

Мама рассмеялась. Рассмеялась по-настоящему.

— С ума сойти! — воскликнула она. — Вроде и страшно, и красиво. Как во сне!

Глаза у нее снова блестели. Прежняя мама вернулась.

Мы смотрели вслед лошадям, пока они не превратились в точки на горизонте.

— Ну, рыбалка окончена, сматываем удочки, — заявил папа, пытаясь снова рассмешить маму.

Я полезла на заднее сиденье. Воспоминания о скачках никуда не делись, но теперь уже не так ярко стояли перед

глазами, не так настырно лезли в голову. Словно каким-то волшебным образом путешествие в несколько миль подавило нам возможность думать о чем-то другом.

— Ты был прав насчет поездки, папа.

— Ага, — отозвался он. — Лучший способ забыть о своих проблемах — перепугаться до смерти.

Но почему-то лошади меня не напугали. Я стояла бы там целую вечность, чувствуя, как ветер треплет мне волосы, и ощущая дрожь земли от топота копыт табуна и тепло солнца, светившего в спину.

Папа протянул руку и положил ладонь на мамино колено. Мама накрыла ее своей ладонью. Потом обернулась и улыбнулась мне. Я почувствовала ее мысли. Она снова была готова. Готова мечтать.

И тут папа резко бросил пикап вправо. С грузовика, ехавшего перед нами, посыпались огромные ящики с курами. Они разбивались о дорогу, разбрасывая во все стороны белые перья и опилки, словно разбитая пиньята. Один ящик пролетел мимо моего окна и раскололся, упав на землю. Куры разлетелись по дороге. Другой ящик упал прямо перед нами и закувыркался, рассыпаясь на куски. Меня швырнуло вперед, насколько позволял ремень безопасности. Плечо колотилось о дверцу. Что-то ударило в лобовое стекло, и папа резко вывернул руль влево. Машина задрожала на камнях и ухабах.

Я видела все, что происходило внутри пикапа. Мама подняла руку и схватилась за папу. Его рука, прямая как доска, пыталась удерживать руль. По полу катался стаканчик из-под разлитого кофе. На зеркале заднего вида раскачивался ключ от конюшни. Головы родителей тоже раскачивались из стороны в сторону и вперед-назад, словно у ку-

кол-болванчиков. Казалось, все происходит в замедленном движении.

Но снаружи картинка вращалась с такой скоростью, что небо и земля перепутались у меня перед глазами.

Я знала, что мы съехали с дороги, поскольку не видела ничего, кроме розовой пыли.

Я знала, что мы кувыркаемся через крышу, поскольку меня начало тошнить.

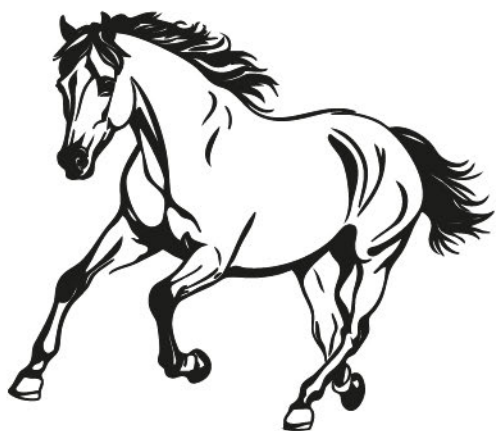
Я знала, что мы остановились вверх колесами, поскольку я повисла на ремне безопасности.

Посмотрев на папу, я сообразила, что жива.

Мне очень хотелось, чтобы он выдал очередную глупую шутку.

Но, увидев его лицо, я поняла: мама погибла.

Часть I

Глава 1

Два года спустя

Поворот на дорогу, которая ведет к Биг-Грин-Барн, легко пропустить, если не искать его специально. Сразу за ним стоит чахлый дуб — ориентир, которым я пользовалась, когда была младше, пока не научилась находить дорогу даже с закрытыми глазами. Перед самым поворотом на обочине дороги торчит покосившаяся табличка: «Продается или сдается в аренду». Я чуть прибавляю скорость и сбиваю ее.

Большая часть разорившихся ферм в округе уже продана застройщикам. Скотоводческая ферма Баттонуиллоу превратилась в трассу для велотриала. В здании свинофермы на Олд-Пайн-роуд оборудуют пивоварню. Но эта ферма — совсем другое дело. Здесь снова появятся лошади. Наши лошади. Отец сказал, что застройщиков участок не интересует: почва слишком каменистая, а основная часть пастбища лежит в пойме реки. А еще он сказал, что Гибсон, хозяин фермы, не очень хочет ее продавать по сентиментальным соображениям. Пару предложений Гибсон уже отклонил. Отец обещал мне, что однажды мы сюда вернемся. Но я не собираюсь ждать, когда наступит это «однажды».

Я сворачиваю на дорожку. Из-под колес велосипеда летят частички гравия и пыли. Остановившись, расстегиваю кар-

ман худи, достаю телефон, разворачиваю его горизонтально и делаю снимок. Большинство людей фотографирует то, что есть. Я фотографирую то, чего нет: дыры и проломы на месте испорченных перекладин покосившегося забора, за которым больше не бегают лошади. А еще я фотографирую то, что есть, потому что нет кое-чего другого: густые заросли травы на тех местах, которые раньше были вытоптаны, потому что там смирно стояли бок о бок лошади.

Я еду на велосипеде вдоль ветхих заборов, изгибающихся гигантскими змеями вдоль дорожки на четверть мили до конюшни. Идеальное расстояние для заминки¹ лошади. Я снова останавливаюсь, чтобы сделать снимок, и беру крупный план одного из углов конюшни — ветреного угла, как называла его мама. Тут не хватает нескольких досок, а потрескавшаяся зеленая краска сошла, оставив огромные серые, словно мертвая кожа, пятна. Краснохвостый сарыч скользит над самой крышей конюшни, описывает круг над полем, а потом, завалившись на крыло, пикирует на мышь или кролика.

Как ни печально, на эту заброшенную ферму я и приезжаю каждый день после школы.

Дорожка расширяется и описывает круг. Я качу по ней к задней стене конюшни и прислоняю велосипед к клеону, который мы с мамой посадили, когда мне было четыре. Мне известно, что раздвижные ворота будут чуть приоткрыты. Мы оставили их не до конца закрытыми два года назад, и они так и ржавеют на металлических направляющих. Я протискиваюсь в щель. Если бы я доела курицу в школьной тошниловке, наверняка застряла бы в проеме.

¹ Комплекс упражнений, направленный на охлаждение лошади после тренировки. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Резкие лучи света пробиваются сквозь дыры в стенах конюшни, расчерчивая центральный проход. Я иду сквозь наполненные пылью столбы света, минуя двери одного открытого денника за другим. Теперь они пусты, внутри нет ни опилок, ни сена, ни запаха.

Я помню имена каждой из лошадей, что мы здесь держали. Роузи — ласковая одноглазая кобыла. Эрни — настоящая машина, он успел позаниматься всем, от родео до конкура. Байрон, которому по вечерам нравилось слушать рэп. Танк — крошечный пони, которого мы ставили сопровождать нервных лошадей. Оскар, обожавший купаться в реке. Милдред, отличавшаяся таким терпением, что могла бы учить детей верховой езде даже без помощи тренера. За то время, что я себя помню, через эти денники прошло множество лошадей. Я скучаю по их тихому ржанию, по тому, как они тревожно били копытами, требуя внимания, по тому, как тянулись ко мне губами, по суетливым утрам в конюшне, по долгим сонным дням.

У последнего денника слева я останавливаюсь. Здесь стоял Бесценный Дар. У двери денника все еще болтается его покосившаяся фотография в деревянной рамке. Гвоздь, на котором она висит, согнулся, словно держится из последних сил. На снимке Бесценный Дар участвует в скачках Блэк-Элк и перепрыгивает через последний барьер с таким солидным запасом, что кажется, будто он летит. Наверняка победит.

«Вот сейчас это и случится», — думаю я.

Всего пару минут назад я уронила недоеденное карамельное яблоко, когда мы с мамой и папой бросились к финишной прямой, куда в любую секунду могли выбежать из-за поворота лошади, чтобы подняться по склону холма и по-

дойти к последней серии барьеров. Сладкий сливочный вкус еще стоял у меня во рту, когда, несясь галопом сразу за Вуду, показался Бесценный Дар. Его жокей в точности следовал указаниям моего отца: «Держись вплотную за Вуду. Он будет лидировать всю гонку. Пусть вымотается. А потом обойдешь его на финишной прямой».

— Давай! — крикнул папа. — Теперь пора!

Мама подняла одну ладонь, будто пыталась поймать такси, а другой прикрыла рот, словно малейший звук, который у нее вырвется, может все испортить. Лошади галопом поднимались по склону холма к последним четырем барьерам. У первого препятствия Вуду сделал лишний шаг. Бесценный Дар преодолел высоту одним длинным прыжком.

— Да! — заорал папа, вскинув в воздух кулак.

Мама опустила ладонь, которой прикрывала рот, и тоже закричала:

— Давай, Дар!

Пока три остальные лошади плотной группой еще только приближались к первому барьеру, Вуду и Бесценный Дар уверенно поднимались по склону ко второму. Толпа вокруг нас зашлась в пульсирующем напевном реве. Борьба за победу в этой гонке превратилась в противостояние двух скакунов. Мы увидели, как Вуду перемахнул через третий барьер. Дар отставал от него всего на полкорпуса.

— Поднажми! — закричал папа. — Из последних сил!

Когда скакуны приблизились к последнему барьеру, у которого стояли мы, я почувствовала, как задрожала от топота копыт земля у меня под ногами. Обе лошади неслись вперед, вытянувшись в струнку. Копыта шаг за шагом сокращали оставшуюся до финиша дистанцию. Головы поднимались и опускались, словно рычаги, приводящие в дви-

жение ноги. Левая задняя нога, диагональ, правая передняя, зависание, левая задняя нога, диагональ, правая передняя, зависание¹. Мы с родителями едва не лезли на забор, крича и размахивая руками. Мама совсем разволновалась. Ветер швырял ее длинные черные волосы прямо ей в лицо. Она обливалась потом, словно сама участвовала в скачках. На миг лошади оказались так близко, что я смогла заглянуть в глаза Дару.

— Пожалуйста, — только и сказала я.

Мне хотелось кричать, но слово вырвалось только шепотом.

Корпус Бесценного Дара взмыл в воздух. Он должен был обойти Вуду. Из-под копыт лошадей взлетели комья земли. Огромное тело Дара вытянулось, словно у него вдруг выросли крылья. Вуду вытянул шею. Оба жокея старались изо всех сил.

Но спустя долю секунды раздался приглушенный стук копыт о металл: передние ноги Вуду врезались в барьер. Он головой вперед полетел на землю прямо перед нашим конем. Казалось, прошла целая вечность, пока Бесценный Дар перестал кувыркаться и скользить по земле. Он застонал, точно поезд, пытающийся резко затормозить, и остался лежать неподвижной грудой.

Дальше — тишина.

Бз-з-з. Бз-з-з. Телефон гудит, словно у меня в заднем кармане вдруг завелась пчела.

«Сегодня ужинаю с другом не дома», — пишет отец.

«Какой сюрприз», — откликаюсь я, хотя имею в виду совершенно обратное. Я нисколько не удивлена.

¹ Описание движения лошади при галопе.

«Принести тебе что-нибудь?»

Он тоже имеет в виду другое, поскольку ждет, что я отвечу: «Нет, все в порядке».

Я протискиваюсь обратно через ворота конюшни и пишу: «О да! Можно мне стейк из говяжьей вырезки средней прожарки и сырное суфле со спаржей и голландским соусом? Тысяча благодарностей!» Три смайлика и эмодзи с вилкой.

Я гляжу на пульсирующие точки: отец думает над ответом. Потом точки исчезают.

Глава 2

Путь до дома занимает у меня семнадцать с половиной минут. Девятнадцать, если погода ветреная или дождливая. Я въезжаю на дорожку перед нашим домом. Свет внутри не горит. Джипа на дорожке нет. Ничего удивительного. Было бы куда более странно, если бы я по возвращении домой застала отцовский джип возле дома. Папа говорит, что у него появились новые увлечения, и советует мне последовать его примеру. Но единственный интерес, который проснулся у него после смерти мамы, это спать с кем попало. По сути, он спит со всем женским населением города.

Кажется, отец и месяца не продержался. Однажды вечером он спустился по лестнице, аккуратно причесанный и в красивых ботинках.

— У меня встреча с другом, — заявил он мне.

Дальше хлынула настоящая лавина новых друзей. Вернее, подруг. Я не успевала запомнить их имена, поэтому давала прозвища. Была Большая Птица — высокая остроносая блондинка, маникюрша Мисс Улитка, стюардесса по кличке Пустоголовая, а еще банковская служащая, которую я прозвала Кабачком из-за длинной шеи и широкого зада. Отец переспал даже с моей учительницей начальных классов, Мисс Скунс: у нее была прядь седых волос вдоль пробора, и вдобавок от нее воняло.

КРИСТИ КЭШМАН
О ЛОШАДЯХ И ЛЮДЯХ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Светлана Лисина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Ирина Львова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 06.08.2026.
Формат издания 60 × 84 1/16. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 12,09. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака	ИНОСТРАНКА®
ИНОСТРАНКА®,	тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдык округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т. ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01,	Тел. (495) 933-76-01,
факс (495) 933-76-19	факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Малоохтинский пр-т, д. 68	195112, Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

R-AET-42657-01-R